
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Сергей Александрович Филиппов

*Доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной
юридической академии, кандидат
юридических наук, доцент
E-mail: s.filippov85@icloud.com*

Елена Александровна Инамова

*Доцент кафедры гражданского права и процесса
Саратовского национального исследовательского
государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского, доцент кафедры
арбитражного процесса Саратовской
государственной юридической академии, кандидат
юридических наук, доцент
E-mail: elena-1600@mail.ru*

ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье проводится анализ законных интересов в семейном праве. Цель – выявление законных интересов в Семейном кодексе РФ, анализ доводов в мотивировочной части постановления Европейского суда по правам человека о необходимости охраны и защиты законного интереса заявителя: дело «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации». Научная новизна исследования заключается в том, что категория «законный интерес» впервые рассматривается в контексте необходимости его защиты, в связи с разъяснениями ЕСПЧ. При написании статьи использованы общенаучные, частно-научные методы исследования норм и положений семейного права. Объектом являются общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью удовлетворения субъектами своих прав и охраняемых законом интересов. Предмет анализа – положения семейного законодательства, регулирующие защиту и охрану законных интересов субъектов семейных отношений. Краткие выводы: законный интерес непосредственно касается сущности права и диалектики его взаимодействия с интересами основных правовых понятий, составляющих костяк юриспруденции и правовой культуры; семейное законодательство содержит в себе отдельный, свободный от субъективного права объект

охраны – «законный интерес», подлежащий учету, правовой оценке и защите, как правоприменителями, так и другими субъектами.

Ключевые слова: интерес, законный интерес, субъективные права, личные права, семейные правоотношения, защита, охрана, семья, Европейский суд, Российская Федерация.

Sergey Alexandrovich Filippov

*Associate Professor of the Civil
Law department,
Saratov State Law Academy,
Candidate of Legal Sciences, Docent*

Elena Alexandrovna Inamova

*Associate Professor of the Civil Law
and Procedure department,
Saratov State National Research University
named after N.G. Chernyshevsky;
Associate Professor of the Arbitration
Procedure department,
Saratov State Law Academy,
Candidate of Legal Sciences, Docent*

Legitimate Interest in the Russian Federation's Family Law In the Context of Decisions of European Court of Human Rights

Annotation. *The authors of the present paper analyze legitimate interests in family law. The purpose of the research is to indicate vested interests in the Family Code of RF and to analyze arguments in the preamble adduced for the decision of European Court of Human Rights (ECHR) on the need of protection and defense legitimate interests of the applicant: the case is Znamenskaya vs the Russian Federation. The scientific novelty is as the authors describe the category of «legitimate interest» in the context of the need to protect it as is justified by ECHR. The authors apply general scientific, private scientific methods of investigating rules and provisions of family law. The object of the research is represented by public relations caused by the need to satisfy the subjects' rights and vested interests. The analyzed subject is viewed as the provisions of family legislation regulating defense and protection of legitimate interests of parts involved in family relations. The authors come to the following conclusions: legitimate interest is directly connected to the essence of law and dialectics of its correlation with interests of basic legal concepts constituting the bones of jurisprudence and legal culture; Family Code contains particular interest which is the object of defense and is free of subjective law. This interest is "legitimate interest" which has to be accounted, legally evaluated and defended by both law enforcement bodies and the other subjects.*

Keywords: interest, legitimate interest, subjective rights, personal rights, family legal relations, defense, protection, family, European Court, the Russian Federation.

Термин «законный интерес» не является новым для российского права, однако до сих пор вызывает дискуссию на страницах юридической литературы среди представителей общей теории права. Думается, рассмотрение понятия «законный интерес» весьма актуально не только для развития юридической науки и правовой культуры, но и непосредственно для правоприменителей, т. к. оно выступает самостоятельным объектом правового обеспечения, что подтвердил Европейский суд по правам человека по делу «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» [1].

Одним из первых применять понятие «законный интерес» предложил Г. Ф. Шершеневич, пояснив, что «если правонарушение есть действие противоправное, то правонарушения нет там, где действие человека остается в пределах дозволенного объективным правом, хотя бы при этом были нарушены законные интересы другого человека» [2, с. 633].

Значительный вклад в анализ и развитие категории «законный интерес» в новейшей истории развития отечественной науки внесли работы А. В. Малько и В. В. Субочева. В работе «Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики» авторы убедительно отстаивали самостоятельность названной категории и предложили выводы о возможности ее дальнейшего анализа и изучения в отдельных отраслях права. Импонирует вывод ученых о том, что термин «законные интересы» используется общей теорией права не интуитивно, а вполне обоснованно, неся в себе определенную методологическую нагрузку для всей системы юридических наук. «Законные интересы — это возможность, гарантированная в меньшей степени, чем дозволенное поведение в рамках субъективного права. Законный интерес — всего лишь не запрещенность, предоставленная государством и в определенной мере поддерживаемая им [3, с. 86, 94].

О. Ю. Ильина справедливо отмечает, что понятие «интерес» выступает атрибутом семейного законодательства, поскольку оно применяется при семейно-правовом регулировании отношений между многими членами семьи [4, с. 39].

Так, Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) содержит более десятка упоминаний об охране и защите законного интереса, а также более шестидесяти предписаний о соблюдении интересов участников семейных правоотношений, помимо обеспечения и защиты субъективных прав таких участников. Уже в первой статье (п. 3) СК РФ установлено, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Абзац 2 п. 4 этой же нормы содержит императивное предписание о том, что права граждан в семье могут быть ограничены только на основании

федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан.

Еще одно подтверждение приведенного тезиса отражается в ст. 24 СК РФ, которая уже в своем названии «Вопросы, разрешаемые судом при вынесении решения о расторжении брака» указывает на прикладной характер категории «интерес»: «В случае, если отсутствует соглашение между супругами по вопросам, указанным в пункте 1 настоящей статьи, а также в случае, если установлено, что данное соглашение нарушает интересы детей или одного из супругов, суд обязан: определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода; определить, с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на их детей; по требованию супругов (одного из них) произвести раздел имущества, находящегося в их совместной собственности; по требованию супруга, имеющего право на получение содержания от другого супруга, определить размер этого содержания. В случае, если раздел имущества затрагивает интересы третьих лиц, суд вправе выделить требование о разделе имущества в отдельное производство» [5].

Суд вправе с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении иска родителей о передаче им ребенка, а также о восстановлении в родительских правах, если придет к выводу, что это противоречит интересам ребенка (абз. 2 п. 1 ст. 68; п. 4. ст. 72 СК РФ).

Название ст. 102 СК РФ «Признание недействительным соглашения об уплате алиментов, нарушающего интересы получателя алиментов» также говорит само за себя. В данном случае уместен тезис Д. М. Чечота, полагающего, что «юридический интерес лица не может быть обеспечен только посредством субъективного права» [6, с. 11].

Термин «законный интерес» законодатель использует реже.

Помимо уже обозначенной выше нормы выделяется абз. 2 п. 1 ст. 7 СК РФ «осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан».

Статья 56 СК РФ практически полностью посвящена законному интересу и определяет, что ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), органом опеки и попечительства, прокурором и судом. При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет – в суд. При получении таких сведений орган опеки и попечительства обязан принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка.

Защита законного интереса ребенка возникает при установлении опеки или попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей (абз. 3 п. 7 ст. 145 СК РФ).

Законный интерес должен быть соблюден при усыновлении (удочерении) детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства, за пределами территории Российской Федерации (п. 3 ст. 165 СК РФ).

Федеральный закон РФ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» также более пятнадцати раз использует термин «законный интерес», гарантируя надлежащий статус ребенка в государстве, помогая эффективному осуществлению прав особой категории субъектов семейных правоотношений [7].

Отдельного внимания заслуживают нормы, в которых термины «интерес» и «законный интерес» законодатель использует в одной статье.

Так, согласно п. 2, абз. 2 п. 3 ст. 148.1 СК РФ орган опеки и попечительства вправе обязать опекуна или попечителя устранить нарушения прав и законных интересов ребенка либо его родителей или других родственников, либо усыновителей. В случае, если опекун или попечитель не подчиняется решению органа опеки и попечительства, родители или другие родственники либо усыновители ребенка вправе обратиться в суд с требованием о защите прав и законных интересов ребенка и (или) своих прав и законных интересов. Суд разрешает спор исходя из интересов ребенка и с учетом его мнения. Неисполнение решения суда является основанием для отстранения опекуна или попечителя от исполнения возложенных на них обязанностей.

В абзаце 2 п. 3 ст. 155.2 СК РФ отмечено, что временная передача ребенка в семью граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, не является формой устройства ребенка в семью и осуществляется на основании распоряжения администрации такой организации в интересах ребенка в целях обеспечения его воспитания и гармоничного развития (на период каникул, выходных или нерабочих праздничных дней и др.). Такая передача не допускается, если пребывание ребенка в семье может создать угрозу причинения вреда его физическому и (или) психическому здоровью, его нравственному развитию либо иную угрозу его законным интересам».

В связи с этим А. В. Малько, В. В. Субочев отметили, что еще в начале XX в. признавалось существование субъективных прав и законных интересов, которые являются различной формой признания и защиты интересов индивидуумов со стороны государства. Данная позиция получила всемерную поддержку советской юридической общественности, причем, со временем, не только со стороны теоретиков права. Так, в юридической литературе, особенно в первые годы советской власти, можно встретить следующие словосочетания: «юридически защищенные интересы», «правомерные интересы», «признанные законом интересы» и т. п. Они обозначали совершенно определенное явление, не тождественное субъективному праву, поэтому все они могут быть заменены одним термином, который более точно отражает сущность явления и более прочно укрепился затем в теории и практике. Этот термин — «законный интерес». Количество интересов, которые нуждаются в правотворческой конкретизации и непосредственной охране, гораздо обширнее норм, составляющих правовую основу регулирования общественных отношений. Право более статично, чем регулируемые им отношения. Оно почти всегда «отстает от жизни», как при

упорядочении социальных связей, так и при опосредовании многообразных интересов. Поэтому и существуют интересы, «пробивающие» себе дорогу в «законотворческую материю», «жаждущие» своего признания в субъективном праве, лоббирующие право на существование в защищенном государством «гарантированном» виде. Эти интересы в случае их непротиворечия сущности и принципам права в целом и можно назвать законными [3].

Г. В. Мальцев полагает, что недостаточно «относить к законным интересам только те, которые названы в законе, т. к. количество поименованных в законе интересов значительно меньше всего объема интересов личности. Именно эти интересы являются законными в том смысле, что их реализация допускается, поощряется, стимулируется, охраняется правом и законом» [8, с. 88–89].

Законодатель нередко прибегает к различным словосочетаниям, используя в нормативно-правовом акте термин «законный интерес». Например, называются также «права и (или) законные интересы», «права и охраняемые законом интересы», «личные права и интересы» и т. п.

Прилагательное «законный» наполняет данный термин более четким, конкретным содержанием, а те интересы, которые непосредственно не получили конкретного закрепления в нормах права, могут соответствовать «духу и принципам» уже существующего и «отражаться по аналогии». Это также законные интересы.

На данную терминологическую неточность законодателя обращает внимание В. А. Терехин. В словосочетании «законный интерес» родовым является слово «интерес», поэтому следует различать интерес как социальную и как правовую категорию. Объектом юридической защиты выступает не любой, а только охраняемый законом (законный) интерес [9, с. 14].

Однако представляется, что с целью обеспечения единообразия правоприменительной практики охраны и защиты законных интересов законодателю необходимо более тщательно подходить к формированию понятийного аппарата.

Таким образом, семейное законодательство содержит в себе отдельный, свободный от субъективного права объект охраны — «законный интерес», подлежащий учету, правовой оценке и защите, как правоприменителями, так и другими субъектами семейных правоотношений.

Важность защиты интересов субъектов семейных правоотношений иллюстрирует одно довольно неоднозначное дело, рассмотренное Европейским судом. Оно было инициировано жалобой, поданной 14.11.2001 в Европейский суд против Российской Федерации гражданкой России Натальей Васильевной Знаменской в соответствии со ст. 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Заявитель утверждала, что отказ национальных судов установить отцовство в отношении мертворожденного ребенка и, соответственно, изменить его имя нарушил ее право на уважение частной и семейной жизни. Решением от 25.03.2004 Европейский суд объявил жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу.

По обстоятельствам дела. В 1997 г. заявитель забеременела, 04.08.1997 родила мертвого мальчика и решила его похоронить. 13.08.1997 рождение

мертвого плода было зарегистрировано Чертановским отделом ЗАГС. Супруг заявителя до их развода 25.03.1997 был записан в акте о рождении и в книге записей рождений отцом ребенка.

Заявитель утверждала, что биологическим отцом мертворожденного ребенка был Г., с которым она проживала в незарегистрированном браке с 1994 г. и который ждал этого ребенка и говорил об их будущем сыне, как о своем. Однако они не могли подать совместное заявление об установлении отцовства ребенка, поскольку Г. 20.06.1997 был заключен под стражу. 12.10.1997 он умер в заключении.

Заявитель отказалась указать на надгробной плите мертворожденного ребенка фамилию своего бывшего мужа и оставила ее пустой.

Затем она обратилась в Чертановский районный суд г. Москвы с заявлением об установлении отцовства Г. в отношении мертворожденного ребенка и изменении фамилии и отчества ребенка, ссылаясь на ст. 49 Семейного кодекса РФ. 16.03.2001 суд вынес решение, постановив, что мертворожденный ребенок не приобрел гражданских прав, тогда как ст. 49 Семейного кодекса РФ применяется только к живым детям, и прекратил производство по делу, поскольку «(заявление заявителя) не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства».

Кассационная жалоба осталась без удовлетворения на том основании, что дело не может быть рассмотрено в порядке гражданского судопроизводства, поскольку ребенок не приобрел гражданских прав.

Ссылаясь на ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая гласит, что «каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции, не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц» [10], заявитель жаловалась на отказ национальных судов рассмотреть ее заявление об установлении происхождения мертворожденного ребенка от ее последнего сожителя и об изменении его имени. Она утверждала, что «уважение семейной жизни требует превалирования биологической и социальной действительности над правовой презумпцией, которая... пренебрегает как установленным фактом, так и желаниями заинтересованных лиц, никому, в действительности, не принося пользы».

Власти Российской Федерации признали, что отказ национальных судов рассматривать заявление заявителя не имел никаких правовых оснований, даже в случае смерти лица, признавшего отцовство и не состоявшего в браке с матерью ребенка, суды могли установить факт признания им отцовства, на основании ст. 50 СК РФ.

Европейским судом было отмечено, что в ряде случаев он устанавливал, что споры, касающиеся фамилий и имен физических лиц, попадают в сферу

действия ст. 8 Конвенции. И хотя это положение не содержит прямого упоминания о праве на имя, имя человека — как средство идентификации личности и связи с семьей — тем не менее касается его частной или семейной жизни. Однако данная жалоба отличается от дел, в которых национальные власти оспаривали выбор родителями имени ребенка, поскольку мертворожденный ребенок не мог считаться приобретшим право на уважение его частной или семейной жизни, отдельное от права на уважение частной или семейной жизни его матери.

В данном случае уместны слова Р. Иеринга: «у субъекта могут возникать и защищаться интересы, которые непосредственно не вытекают из его субъективных прав» [11, с. 463].

По мнению Европейского суда, в основе настоящего дела лежит возможность заявителя добиться признания Г. биологическим отцом мертворожденного ребенка, несмотря на правовую презумпцию о том, что отцом ребенка, рожденного в течение трехсот дней со дня расторжения брака, является муж. Присвоение мертворожденному ребенку фамилии и отчества ее последнего партнера явилось бы следствием такого признания.

В прецедентном праве Европейского суда ясно установлено, что понятие «семейная жизнь» в ст. 8 Конвенции подразумевает существование «семейных уз» между женатыми или неженатыми партнерами, и ребенок, рожденный ими, является *ipso jure* частью этой связи с момента своего рождения и самим фактом своего рождения. Существование или отсутствие «семейной жизни» для целей ст. 8 Конвенции является по существу вопросом факта, зависящим от реального существования в жизни близких личных связей. Однако традиционный подход конвенционных органов состоит в признании того, что близкие отношения, кроме «семейной жизни», как правило, попадали бы в пределы «личной жизни». Принимая во внимание, что у заявителя должна была развиться сильная связь с плодом, который она почти доносила до полного срока, и что она выражала желание дать ему имя и похоронить его, установление его происхождения, несомненно, влияло на ее «личную жизнь», уважение которой также гарантируется ст. 8 Конвенции. Следовательно, это положение является применимым в настоящем деле.

Справедливо отмечено, что в результате изменения нравственных ценностей, интересов групп, общества, государства изменяются правила регулирования гражданских правоотношений, как в отдельно взятой стране, так и на международном уровне. Чаще всего в основе группового интереса лежат общие интересы конкретных индивидов, основанные на оценке конкретной материальной потребности. Анализируя правоприменительную практику США, нельзя не отметить, что субъективный интерес в некоторых «прецедентных» случаях становится основой правоприменения, т. е. составляет содержание права [12, с. 159].

С. С. Алексеев был, безусловно, прав в том, что «саму нормативность права... следует понимать не упрощенно, т. е. не только в том смысле, что те или иные акты имеют нормативный характер (это все же плоскость формы права), а более глубоко, т. е. главным образом в том смысле, что при помощи норм, нормативных начал достигается общая упорядоченность данной группы

общественных отношений, участка социальной жизни. Следовательно, каждый нормативный акт значим не только сам по себе, но и в первую очередь в той мере, в какой он содействует общей упорядоченности, вписывается во всю систему актов, прежде всего кодифицированных, которые обеспечивают эту общую упорядоченность» [13, с. 88].

Кроме того, в рассматриваемом деле существование отношений между Г. и заявителем не оспаривалось. Также никто не оспаривал отцовства Г. в отношении мертворожденного ребенка. Поскольку ребенок родился мертвым, установление отцовства в отношении него не налагало на кого-либо из затронутых лиц длящегося обязательства содержания. Следовательно, представляется, что интересов, противоречащих интересам заявителя, не имелось. Отклоняя заявление, поданное заявителем, национальные суды не ссылались на какие-либо законные или убедительные причины для сохранения *status quo*.

Власти Российской Федерации признали, что национальные суды совершили ошибку, рассмотрев заявление с точки зрения гражданских прав мертворожденного ребенка и не уделив должного внимания правам заявителя. Согласно прецедентному праву Европейского суда ситуация, при которой правовой презумпции дается возможность превалировать над биологической и социальной действительностью без учета как установленных фактов, так и желаний заинтересованных лиц, никому в действительности не принося пользы, несовместима, даже с учетом предоставленных государствам пределов усмотрения, с обязательством обеспечивать эффективное «уважение» личной и семейной жизни.

Таким образом, нельзя не согласиться, что категория «законный интерес» затрагивает не только правовые аспекты реализации стремлений субъектов по удовлетворению своих потребностей. Данная проблема гораздо глубже, она непосредственно касается сущности права и диалектики его взаимодействия с интересами основных правовых понятий, составляющих костяк юриспруденции [3, с. 82].

Пристатейный библиографический список

1. Дело «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» (жалоба № 77785/01) По делу обжалуется отказ национальных судов рассмотреть заявление об установлении происхождения мертворожденного ребенка от сожителя заявителя и об изменении имени этого ребенка. По делу допущено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Постановление ЕСПЧ от 02.06.2005 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1912.

3. Малько А. В., Субочев В. В. Категория «законный интерес» и анализ ее исследования в юриспруденции // Право и образование. 2006. № 4. С. 82–96.

4. Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации. автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2006.

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) // Российская газета. 2016. 27 янв.

6. Чечот Д. М. Проблема защиты субъективных прав и интересов в порядке неисковых производств советского гражданского процесса: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Л., 1969.

7. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. 2016. 5 авг.

8. Мальцев Г. В. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов граждан // Советское государство и право. 1965. № 10. С. 19–26.

9. Малько А. В., Терехин В. А. Субъективные права, свободы и законные интересы личности как самостоятельные объекты судебной защиты // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С.7–18.

10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [1]»: подписан в г. Париже 20.03.1952, «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней»: подписан в г. Страсбурге 16.09.1963, «Протоколом № 7»: подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Иеринг Р. Избранные труды. Самара : Юрид. центр Пресс, 2003. (Legal Center Press)

12. Иерусалимская Е. А., Ковязина Н. М. Зарубежный (международный) опыт регулирования защиты гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2. С. 158–169.

13. Алексеев С. С. Теория права. М. : БЕК, 1994.

References

1. Delo «Znamenskaja (Znamenskaya) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 77785/01) Po delu obzhaluetsja otkaz nacional'nyh sudov rassmotret' zajavlenie ob ustanovlenii proishozhdenija mertvorozhdenogo rebenka ot sozhitelja zajavitelja i ob izmenenii imeni jetogo rebenka. Po delu dopushheno narushenie stat'i 8 Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod: Postanovlenie ESPCh ot 02.06.2005 // SPS «Konsul'tantPljus». [Case «Znamenskaya v. Russia» (application no. 77785/01) The case is against the refusal of the domestic courts to consider the application to establish the origin of the stillborn child from the applicant's partner and to change the name of this child. In the case, there was a violation of Article 8 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: Judgment of the ECHR dated 02.06.2005 // PCA «ConsultantPlus»].

2. Shershenevich G. F. Obshhaja teorija prava. [General theory of law.] M. : Publishing house of Br. Bashmakov. 1912.

3. Malko A. V., Subochev V. V. Kategorija «zakonnyj interes» i analiz ee issledovanija v jurisprudencii // Pravo i obrazovanie. [Category of «legitimate interest» and analysis of its research in jurisprudence // Law and Education.] 2006. № 4. P. 82–96.

4. Il'ina O. Ju. Chastnye i publichnye interesy v semejnom prave Rossijskoj Federacii. avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. [Private and public interests in family

law of the Russian Federation. Author's thesis for the dissertation on the degree of Doctor of legal sciences.] 2006.

5. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (v red. ot 30.12.2015) // Rossijskaja gazeta. [Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on December 30, 2015) // Rossiyskaya Gazeta.] 2016. 27 January.

6. Chechot D. M. Problema zashhity sub'ektivnyh prav i interesov v porjadke neiskovyh proizvodstv sovetskogo grazhdanskogo processa: avtoref. dis. ... d-ra. jurid. nauk. [The problem of protection of subjective rights and interests in the order of non-disclosure proceedings of the Soviet civil process: Author's thesis for the dissertation on the degree of Doctor of legal sciences.] L., 1969.

7. Ob osnovnyh garantijah prav rebenka v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon RF ot 24.07.1998 № 124-FZ (red. ot 28.12.2016) // Rossijskaja gazeta. [On the basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of July 24, 1998 No. 124-FZ (as amended on December 28, 2016) // Rossiyskaya Gazeta.] 2016. 5 August.

8. Mal'cev G. V. Sootnoshenie sub'ektivnyh prav, objazannostej i interesov grazhdan // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. [Correlation of subjective rights, duties and interests of citizens // Soviet state and law.] 1965. № 10. P. 19–26.

9. Malko A. V., Terehin V. A. Sub'ektivnye prava, svobody i zakonnye interesy lichnosti kak samostojatel'nye ob'ekty sudebnoj zashhity // Leningradskij juridicheskij zhurnal. [Terekhin V. A. Subjective rights, freedoms and legal interests of the individual as independent objects of judicial protection // Leningrad legal journal.] 2010. № 4. P.7–18.

10. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod: zakljuchena v g. Rime 04.11.1950 (s izm. ot 13.05.2004) (vmeste s «Protokolom [1]»: podpisan v g. Parizhe 20.03.1952, «Protokolom № 4 ob obespechenii nekotoryh prav i svobod pomimo teh, kotorye uzhe vkljucheny v Konvenciju i pervyj Protokol k nej»: podpisan v g. Strasburge 16.09.1963, «Protokolom № 7»: podpisan v g. Strasburge 22.11.1984 // SPS «Konsul'tantPljus». [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome on 04.11.1950 (as amended on 13.05.2004) (together with «Protocol [1]» : signed in Paris on 20.03.1952, «Protocol No. 4 on securing certain rights and freedoms in addition to those already included in the Convention and the first Protocol to it» : signed in Strasbourg on September 16, 1963, « Protocol No. 7 » : signed in Strasbourg 11/22/1984 // ATP «ConsultantPlus»]

11. Iering R. Izbrannye trudy. [Selected Works] Samara, 2003.

12. Ierusalimskaja E. A., Kovjazina N. M. Zarubezhnyj (mezhdunarodnyj) opyt regulirovanija zashhity grazhdanskih prav // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoi akademii. 2019. № 2. [Foreign (international) experience in regulating the protection of civil rights // Herald of the Saratov State Law Academy] P. 158 –169.

13. Alekseev S. S. Teorija prava. [Theory of Law] M. : BECK, 1994.